

ДЕТЕКТИВ НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Лоне ТАЙЛС

**ДЕВУШКИ
С АНГЛИЙСКОГО
ПАРОМА**

Москва
2018

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44
Т14

Lone Theils

PIGERNE FRA ENGLANDSBÅDEN

© by Lone Theils. First published
by Lindhardt & Rinhhof, Denmark 2015.
Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбьшева*
Иллюстрация на переплете *Филитта Барбьшева*

Тайлс, Лоне.

Т14 Девушки с английского парома / Лоне Тайлс ; [пер.
с дат. Е. А. Гуровой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
416 с. — (Детектив на основе реальных событий).

ISBN 978-5-04-091473-9

Роман основан на реальных событиях. Фотографию двух неизвестных девушек, сделанную в Копенгагене, нашли в убежище известного серийного убийцы Родни Алькалы. Сейчас он ожидает казни...

Они лежали в потрепанном кожаном чемодане, пылившемся в лавке старьевщика. Полароидные фотографии с лицами разных молодых девушек. Их обнаружила датская журналистка Нора Санд, работающая в Англии. К своему изумлению, она узнала двоих — их изображениями пестрели все СМИ в 1985 году. «Лулу и Лизбет бесследно исчезли с борга парома, шедшего из Дании в Англию...»

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-091473-9

© Гурова Е.А., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1 ■

Лысоватый мужчина походил на рядового африканского учителя. На нем были светло-серые вельветовые брюки и свежесглаженная рубашка. Спокойно и методично разливал он «Эрл Грей» в фарфоровые чашки с цветочным узором. Нора уловила слабый запах миндального масла и стирального порошка, когда он, наклонившись над маленьким, выдавшим виды изразцовым столиком, любезно налил молоко в ее чай. В свою чашку он положил два кусочка сахара, помешав лишь один раз. А затем перешел к рассказу. О казнях, изнасилованиях, телесных повреждениях и убийствах.

Сознание Норы заполонили, сливаясь воедино, истории о чудовищных преступлениях, в которых он принимал участие. Одно злодеяние вытекало из другого. Школьники были свидетелями группового изнасилования своей учительницы, а потом их самих убивали с помощью мачете. Уничтожались целые деревни; бойня останавливалась лишь тогда, когда убийцы от усталости уже не могли поднять рук. Выживших запирали среди трупов до следующего дня, и резня возобновлялась. Мужчина, который в целях собственной безопасности пожелал фигурировать исключительно как мистер Бенн, продолжил свой нескончаемый монотонный рассказ.

Нора сжала в руках чашку. Желание плеснуть обжигающий чай в лицо этому хладнокровному человеку было непреодолимым. Чтобы увидеть реакцию, проблеск хоть чего-то человеческого на равнодушном лице. Чувство. Раскаяние.

Она сдержалась. Так не работает Нора Санд, специальный корреспондент еженедельника «Глобалт». Она слушает, собирает информацию и пишет. Она — профессионал.

— У меня остался последний вопрос, — сдержанно сказала Нора.

Он перевел на нее взгляд, давно утративший человечность.

— Да?

— Почему? Почему вы это делали?

Он пожал плечами.

— А почему нет? Лучшего они не заслужили. Они были тараканами, а мы делали уборку на кухне.

Нору била мелкая дрожь. Она долго возилась с кнопкой на диктофоне. Выключила его и поднялась, слишком уж резко.

Пит, сидевший в углу, тоже встал, поменял объектив на камере и приступил к своей работе.

Фотографии мужчины, назвавшегося мистером Бенном, в тени. Несфокусированное изображение его лица. Фото темных рук крупным планом. Хотя руки мистера Бенна были чистыми, а ногти ухоженными, Норе казалось, что она видит на них пятна высохшей крови.

Это были фотографии человека, получившего свободу взамен на донос о тех, кто находился выше его в командной иерархии. Мистеру Бенну удалось получить добро от британской миграционной службы, и теперь он мог рассчитывать на спокойную жизнь в примор-

ском городке на юге Англии, где самым большим переполохом был, по-видимому, ежегодный карнавал. Нору затошнило.

Пит вышел наружу. Нора отыскала ключи от машины и бросила ему. Он поймал их на лету.

— Садись за руль. Я в ауте, — сказала журналистка, садясь на переднее сиденье его старенького «Форда Мондео».

Брови Пита поползли вверх.

— Тяжело?

Он был человеком немногословным. Но если что-то говорил, то слова имели вес и произносились с отчетливым австралийским акцентом.

Норе хотелось сказать очень много всего. Но слова застряли в горле.

— Существуют границы, насколько...

Пит молча убрал сумку с аппаратурой в багаж и, сев в машину, завел двигатель. Вместо того чтобы свернуть на автостраду, ведущую в Лондон, он поехал по дороге вдоль моря.

Нора молчала. Они работали вместе с тех пор, как она приехала в Лондон пять лет назад совсем неопытным журналистом. Вместе они выполнили бессчетное количество заданий, побывав повсюду от Африки до Восточной Европы, и поэтому, чтобы понять друг друга, им не нужно было много слов.

Когда они свернули к небольшой рыбацкой деревушке под названием Брайн и припарковались позади местного паба, солнце уже отбрасывало последние лучи бледного света на окружающий ландшафт.

Съжившись от холода, Нора высоко подняла воротник куртки.

Они направились к побережью, где серая поверхность воды сливалась с перламутровым небом. Ветер щипал щеки, и спустя полчаса Нора ощутила, что яд начинает медленно отступать. Или, вернее, оказывается заключенным в оболочку, приобретает обозримые размеры, помещается в какое-то темное место внутри ее, на одну из полок рядом с другими историями похожего содержания и калибра.

— Пойдем сходим в центр. В здешних местах мастерски готовят рыбу, однажды я был здесь с Каролиной, — сказал Пит.

В его тоне проскользнула печальная нотка — как и всегда, когда он говорил о любви всей своей жизни, которая давно вернулась в Мельбурн и вышла замуж за хирурга.

Они бродили по узким улочкам, выглядевшим необычно пустынными под занавес туристического сезона, среди рабочей недели.

— Подожди-ка!

Нора остановилась перед какой-то лавкой, выделявшейся на общем пастельном фоне среди гончарных мастерских и деликатесных магазинов, продававших копченую рыбу. Фасад облупился, а окна давно не мыли, но за витриной Нора разглядела потертый темно-коричневый кожаный чемодан — он отлично впишется в коллекцию, которая есть у нее дома.

Она тронула ручку двери, и, к ее удивлению, та оказалась открытой.

Помещение, встретившее журналистку стойким запахом плесени и пыли, было настолько набито разными вещами, что казалось, будто стены тут же дадут трещину, если попытаться впихнуть туда даже какую-

нибудь безделушку. Вдоль одной стены лежали груды книг в кожаных переплетах, а рядом стояли стеллажи, набитые хрусталем и разномастными сервизами.

Малочисленные свободные островки между полками были заполнены картинами разного качества. Явным фаворитом среди сюжетов были изображения кораблей, отметила Нора.

Из подсобного помещения доносились потрескивающие пассажи Гленна Миллера, который мало-помалу уже заканчивал находиться *In the Mood*¹. За прилавком стоял, подпевая мелодии, мужчина с огромной рыжей бородой, начищая латунный подсвечник.

— Проходите, пожалуйста, — произнес он с улыбкой.

Нора улыбнулась в ответ и быстро осмотрела лавку. На секунду задумалась, не купить ли посеребренную ма-сленку в форме раковины, но остановила свой выбор на том чемодане, что увидела в витрине.

— Можно посмотреть? — указав на него, спросила она.

Выйдя из-за прилавка, мужчина начал прокладывать извилистый путь. Он был крупных габаритов, но двигался неожиданно ловко, пробираясь по зигзагообразному маршруту между старой мебелью и выдавшим виды наследственным имуществом.

Хозяин сдвинул жестяную банку и стопку грампластинок в сторону и выудил из кучи товаров на витрине нужный чемодан.

— Мы получили его только на прошлой неделе. Прекрасное состояние, — сказал он.

Нора взяла чемодан. Ощупала. Настоящая кожа. Темно-коричневый, с царапинами. Потертый вид — то, что надо.

— Сколько хотите? — небрежно спросила она.

¹ В хорошем настроении (*англ.*).

— Хм... Ну, — произнес мужчина, прищурившись, — пятьдесят фунтов.

Нора скорчила недовольную гримасу:

— Вообще-то я думала, что-то около двадцати.

— Это настоящая кожа, — ответил он.

Нора нажала на замок. Тот не поддался. Она сморщила лоб:

— Его что, заело?

Мужчина пожал плечами.

— Да ладно вам, нет ничего, с чем не может справиться шпилька и некоторая ловкость рук, — заявил он.

— Да, но там ведь внутри может быть что угодно. Например, плесень.

Мужчина взял у нее чемодан и потряс. Раздался слабый глухой звук.

— Хм. Может, там лежат какие-то бумаги... Послушайте! Если дадите сейчас сорок фунтов, получите содержимое даром. Не открывая. Кто знает? А вдруг там лежит счастливый лотерейный билет... Такой шанс!

Спустя три минуты Нора вышла на улицу, обеднев на тридцать фунтов, но неся в руке чемодан.

— Ты неисправима, — произнес Пит, закатив глаза.

— Ну, да. Но признай — он отлично впишется в пространство под журнальным столиком. Рядом с корабельным сундуком.

Фотограф лишь покачал головой и потащил ее дальше по дороге, ведущей вверх вдоль холма.

Поужинали свежееобжаренной камбалой с гороховым пюре и картофелем фри домашнего приготовления. Когда же наконец сели в машину, где Пит поставил диск «Иглз» и установил навигатор на «домой», у Норы вдруг открылось второе дыхание, так что она мысленно даже начала составлять статью о школьном учителе из Руанды.

Когда Пит высадил ее у квартиры, находившейся возле Белсайз-парка, журналистка была выжата как лимон, и сил у нее хватило только на то, чтобы протиснуться в дверь, почистить зубы и сразу рухнуть в кровать.

Глава 2 ■

В квартире раздался бой Биг-Бена. Этим рингтоном она надела в мобильном телефоне своего шефа Оскара Кребса¹. За глаза его называли Крабом, потому что он умел находить слабое место в любой истории и цапать клешней до тех пор, пока текст не разваливался пополам или журналист не возвращался с более тщательно собранным фактическим материалом. Во всяком случае, так он толковал свое прозвище. Другие сотрудники делали упор на то, что кличка особенно подходила тому цвету лица, который появлялся, когда он находился в стрессовой ситуации.

Нора ценила его манию проверять все тексты дважды, а то и трижды, прежде чем они окажутся на страницах еженедельника. Однако ее безгранично раздражала неизменная способность Краба исказить понятие *Greenwich Mean Time*². Одно дело забывать, что ее время на час отстает от датского. И совершенно другое — откровенно настаивать на том, что оно на час его опережает. Нора объясняла ему это не раз, а затем поняла, что в этом мире существуют вещи, которым научить начальников невозможно.

— Ну что, ты, надо думать, давно уже на ногах, — бодро произнес Краб.

¹ Krebs (*дат.*) — рак.

² Среднее время по Гринвичу (*англ.*).

Нора покосилась на будильник на ночном столике. На часах было 6.30 по британскому времени. Она свесила ноги с кровати.

— Хмбрм...

— Вот и отлично. Когда сможешь прислать Руанду? Мы рассчитываем поставить тебя на седьмую полосу, а ее нужно сдать сразу после обеда.

Она что-то пробормотала о двух часах по датскому времени, положила трубку и потащилась в другую и единственную комнату квартиры, где ей удалось устроить своего рода гостиную, кабинет, библиотеку и кухонный уголок. В полусне Нора совершила обычный утренний ритуал: включила компьютер, включила «Би-би-си ньюс 24» по телевизору, включила чайник — и поплелась дальше, в ванную минимальных размеров.

И тут рутинным действиям пришел конец: внезапно журналистка растянулась на полу прихожей во всю длину, споткнувшись о чемодан, который вчера поздно вечером только перекинула через порог. Замок открылся, и из его открытой пасти посыпалась пачка полярных фотографий. Нора села на полу и полностью открыла чемодан.

Подняв фотографии, она просмотрела их. На всех были изображены молодые девушки, подростки. Позы девушек, одиноко стоявших на фоне стены внутри помещений или на улице, разнообразием не отличались. Все они смотрели прямо в объектив фотографа.

Некоторые из них явно кокетничали и улыбались перед камерой. Другие выглядели смущенно и испытывали явную неловкость от всей ситуации. Рассматривая их стрижки и одежду, Нора отнесла фотографии к периоду где-то от 1980-х со штанами а-ля Эм-Си Хаммер¹,

¹ Эм-Си Хаммер (наст. имя Стэнли Кёрк Баррелл; р. 1962) — американский рэпер, позже проповедник и телеведущий.

уложенными гелем прическами и толстовками с надписью «Ball» — до 1990-х, так как на одной из футболок появилась группа «Ю-ту»¹.

Коллекция, должно быть, принадлежала фотографу-любителю. Уж об этом Нора по крайней мере могла судить благодаря постоянному общению с Питом. На профессиональную серию это было не похоже, скорее снимки давали любопытное представление о чьих-то слабых попытках познать сложное искусство фотографии. Наверняка это какой-то мужчина, очарованный молодыми женщинами, но явно ничего не знающий об основах композиции и экспозиции, а также не обладающий хоть каплей художественного дарования. Нора пожалала плечами и собиралась уже закрыть чемодан, как ее взгляд остановился на снимке, отличавшемся от других.

На фотографии были изображены две девушки. Улыбающаяся блондинка, немного полноватая, но симпатичная. Рядом с ней — темноволосая худощавая девушка, смотревшая на фотографа искоса. Было лето — они стояли в шортах на каком-то белом фоне. По застиранной футболке одной из девушек с надписью «Feed the World»² журналистка определила, что снимок сделан год или два спустя после концерта «Live Aid»³.

Но привлекла ее внимание не футболка, а указатель за спинами у девушек, на котором виднелась большая красная стрелка и надпись на самом что ни на есть датском языке: «Автомобильная палуба 2».

¹ Автор несколько путает. Ирландская группа «Ю-ту» стала популярной еще в середине 1980-х гг., так что 1990-е гг. тут роли не играют.

² Накорми мир (*англ.*).

³ «Лайв эйд» (*англ.*) — международный благотворительный музыкальный фестиваль, состоявшийся 13 июля 1985 года.

Она отложила снимок в сторону и пошла в ванную, где почистила зубы и слегка ополоснула лицо. Сделала чашку черного как смоль «Нескафе», подправив цвет молоком. Села за компьютер и включила диктофон.

Комнату заполнил бездушный голос мистера Бенна, и в последующие часы для Норы существовали только он и его кровавые ужасы. Ее пальцы танцевали по клавиатуре.

Нора отослала статью и в ожидании комментариев стала рассеянно наводить порядок среди кучи бумаг на письменном столе. Заглянув в холодильник, призадумалась, хватит ли у нее сил на то, чтобы совершить тур в «Whole Foods»¹ в Кенсингтоне, чтобы купить что-нибудь съедобное. Она обожала подолгу бродить по трем этажам супермаркета, где продавались изысканные продукты, и всегда возвращалась домой с опустевшим кошельком и охапкой пакетов, наполненных итальянским козьим сыром, печеньем из спельты, экологической черной смородиной или чизкейком из собственной пекарни. Но не сегодня, говорило ей внутреннее чувство.

Что-то на фотографиях с парома не давало покоя. Схожее ощущение возникает, когда смотришь на старые армейские снимки, на которых изображены молодые, широко улыбающиеся мужчины, верившие, что они бессмертны, — а теперь от них остались только высеченные буквы на поросшем мхом гранитном монументе в Нормандии.

¹ Сеть супермаркетов, продающая натуральные и органические продукты.

Нора попыталась стряхнуть с себя предчувствие трагедии. Наверняка обе девушки удачно вышли замуж и уже успели развестись, совсем позабыв о поездке на паромах, случившейся несколько десятилетий назад.

Журналистка снова достала фотографию девушек. Одна светлая, другая темная. Взгляд светловолосой был суровым, как будто она пыталась бросить вызов тому, кто бы ни стоял по ту сторону объектива: «Что, черт возьми, тебе от меня надо?» Темноволосая выглядела смущенной. Голова набок, взгляд слегка опущен, словно она осмеливается смотреть на наблюдателя только украдкой.

Нора перевернула снимок. Ничего.

Ее мысли прервало сиплое фырчанье домофона.

— Да? — осторожно спросила она.

— Здравствуйте, это полиция. К нам поступили жалобы о нарушении порядка из-за семейных скандалов, — ответил голос на характерном северо-ютландском диалекте.

Господи! Она совсем забыла о своей договоренности пообедать вместе с Андреасом...

Они дружили в старших классах, но на одной из последних вечеринок Андреас перебрал лишнего и признался ей в своей горячей и тайной любви. А поскольку Нора не могла ответить взаимностью и попросила остаться друзьями, он стал избегать ее в последние недели до получения аттестата и студенческой фуражки.

Вскоре Нора уехала на год в Англию в творческий отпуск, а Андреас поступил в школу полиции. По ее окончании он стал продвигаться по карьерной лестнице и в итоге оказался в криминальном отделе. Нора наблюдала за ним на расстоянии. По-видимому, теперь время уже излечило его уязвленное самолюбие. Он нашел ее на «Фейсбуке» и сообщил, что приезжает